

Дорогой Евгений Кириллович!

Наше небольшое писательское сообщество поздравляет тебя — товарища, друга, прекрасного поэта — с ответственным юбилеем — восьмидесятилетием. Ты прожил эти годы достойно, не ради «красного словца» сказано: детство в оккупации в Отечественную войну, остался без родителей и выкарабкался к свету. И дальше учеба мастерству, вечерняя школа, потом завод, вот он рядом — «Энергомаш». И в армии успел послужить.

Говорят, что к «избранникам» знание приходит во сне. Так это и есть: стихи пошли! Сначала — стихоплетство. А потом Бог коснулся упрямой головушки и пришла сама Поэзия. Откуда это: «Снегири, снегири, как осколочки зари...»? Из какого «сора» этот воробышек выклевал блестящие, горячие метафоры, способные воспламенить и выплавить словесную фигуру ими же заданных свойств? Такие стихи (гордись, брат!), как «Снегири», «Обида», «Сугроб», «Цыплята», «На скрипочке ветра» могут войти в антологию российской поэзии.

Не будем очень тебя захваливать. Ты — Поэт, и этим все сказано. Тем более, что в поэзии нет «соцстраха». Никогда она не давала скидки на возраст. Вот в какой зоне ты оказался, дружище. Выдержишь?

Так желаем тебе на дальнейшую жизнь и здоровья, и успехов, и простого человеческого счастья. А мы — рядом.

Встреча с отцом

За рекой, где солнце село,
На лужайке у берез
Я вздремнуть прилег на сено
И уплыл туда, где рос.
Потихоньку, помаленьку
Вылез, выдрался на свет.
— Здравствуй, здравствуй, деревенька, —
Сколько зим и сколько лет!
И, как будто из тумана,
Слышу голос молодой:
— А не ты ли сын Кохана,
Что остался сиротой?
Пробежал мороз но коже,
Боль качнула, как волна:
— Ну за что, за что, о, Боже,
Нас калечила война?
Присмотрелся и не верю:
Не скосил его свинец.
Открывает в хату двери
Мой воскреснувший отец.
— Молодец, сын, что наведаль, —
Он вздохнул, не пряча слез, —
Я тебе принес Победу,
Ну а ты мне что принес?
И скажу я тихо бате:
— Ты прости, родной, прости!
Что дарил ты на закате, —
Растерялось все в пути.
Ничего он не ответил,
Вспыхнул заревом большим.
И остался я на свете
Своему отцу чужим.

На допросе

А если у меня про маму спросят,
Что я отвечу? Может, промолчу?
Мне не забыть, как гневно на допросе
Она в глаза смотрела палачу.

На стенах кровь алела, как гвоздика.
— Так, значит, в партизанах дочь? Ответь!
И взвизгнула пронзительно и дико
Витая окровавленная плеть.
Еще мгновенье, и в ознобе жарком
Оторван я от маминой руки.
Метнулась вспышкой злючая овчарка:
— Ой, мама! —
И в глазах — круги, круги.
А было мне всего лишь только восемь,
Хотя я пережил немало мук.
И если у меня про маму спросят, —
Меня обнимет много-много рук.

Рана

Когда-нибудь,
в глаза мне глядя,
Малыш, быть может, скажет так:
— А ты живого видел дядю,
Что шел с гранатой на танк?
Я врать ему, —
клянусь, — не стану:
В боях окопы я не рыл.
Но сам ношу на сердце рану,
Что мне концлагерь подарил.

